

— Весной мы с Капюшончиком уже гуляли вдвоём, а Славка гулял с Людой. Мы гуляли чаще всего в неухоженных массивах между улицей Дмитрия Донского и железной дорогой на Балтийск, часть которых занимали заброшенные немецкие кладбища, а остальная часть напоминала больше лес, чем парк. Бродить по городу не тянуло, не хотелось, чтобы нас видели. К Галке я ходить перестал окончательно, заходил лишь, и то редко, значительно позже, будучи студентом.

— *Из дневника*

— **7 марта.**

— Слишком часто встречаюсь со Светкой. Когда с ней гуляю, разговор у меня не клеится. С ребятами же, наоборот, излишне болтлив. Дважды проявил трусость, оба раза при Светке. Надо отвыкать от чувства дрожи в коленках. Пока, в основном, этим не доволен. О Светке, как и о себе, ничего хорошего пока приписать не могу.

— **5 апреля.**

— Наши все уезжают (в Польшу), и я остаюсь один. Это должно быть для меня испытанием - самостоятельно окончить школу, причём хорошо.

— **21 апреля.**

— Живу один. Сегодня приходила ко мне Светка, взяла книгу почитать. Посидела немного, поболтала всякую ерунду - всё-таки она ещё ребёнок, по-своему милый, избалованный вниманием мальчишек к своей персоне, да, однако, и я ещё не совсем взрослый. Почему-то охватило какое-то волнение, был с ней неприветлив, я не могу с ней быть таким, как с Галкой - с той я гораздо проще.

— **22 апреля.**

— Утро. Надо заниматься и долой всяких Капюшончиков.

— *(Приписка почти через год: Железно!)*

— **24 апреля.**

— Сижу, смеюсь (по поводу последней записи) и пишу, напротив сидит Капюшончик и спрашивает: "Чего ты хочешь?" А я думаю: "Почитала бы ты эту тетрадку, не спрашивала бы". Капюшончик сидит и читает "Госпожу Бовари", а я занимаюсь химией, вернее, пишу эту чепуху. Дёрнуло меня заикнуться об этой тетрадке: разжёт Светкино любопытство, а почитать не дал, теперь надулась и уткнулась в "Госпожу"...

— **1 мая 1960 г.**

— Сегодня у меня ребята собираются, весь наш класс. Вчера Светка на меня надулась, сегодня я нахально отвернулся на демонстрации, не от неё вообще-то, а получилось... да, кажется, она и не заметила. Впрочем, какое всё это может иметь значение, видимо, уж суждено этой тетрадке быть ненужным хранилищем всей чепухи и мути, которую я вычищаю из мозгов.

— **6 мая.**

— ... Светка мне нравится, но это никак ничего не меняет, и всё остаётся как есть.

— **8 июня.**

— Сегодня Капюшончик не пришёл. Со мной, видимо, ей скучновато и неинтересно. Характер у меня всё-таки, как правильно сказала мама, тяжёлый. Я-то на него не жалуясь,

но мало кому он по вкусу. Светке он тоже, наверное, не нравится, это чувствуется. Что-то много о ней писать стал.

Капюшончик

..... Капюшончику я рассказывал о своих планах поступить в Горный, о мечте стать геофизиком-разведчиком, о прочитанных книгах, о прошедшем - а ведь вдруг оказалось, что оно прошло - детстве. Капюшончик казался мне очень симпатичной, очень красивой девочкой, я явно влюблялся в неё всё сильнее и сильнее... Я не считал её глупенькой, несмотря на то, что я кончал десятый, а она только шестой класс, с удовольствием занимался её умственным развитием и был вполне доволен её успехами в этом отношении.

— Как-то в конце мая, было уже по-летнему тепло, я встретил её после школы, проводил до дома, мы поболтали и вдруг... она чмокнула меня в щёку, потом со всей силы трахнула

портфелем по голове и убежала. По своей неожиданности это было похоже на удар током, по ощущению счастья - не похоже ни на что. Я шёл домой буквально как пьяный, переполненный восторгом. Что же это такое? - плавало у меня в голове...

— *Из дневника*

— **15 июня 1960 г.**

— За эту тетрадку теперь вообще берусь лишь для писанины ненужной и обязательно связанной со Светкой. Зря я болтаю ей, что у меня такой уж плохой характер и в этом роде, это глупое самобичевание, совсем как Толстой: я гадкий, нехороший и т.д., но я занимаюсь самоусовершенствованием и пр.

— Ну что мне в ней нравится? Только внешность? Не может быть. Ну, а что ещё? Не знаю. Но не может быть, чтобы мне нравилась в ком-нибудь одна только внешность. Опять чушь поехала. Дурак, ты, ваше благородие.

— *На следующей странице запись Валерки Долгополова (без даты):*

— Саша! Я, нужно сказать, случайно, утянул эту тетрадку, ну, и прочитал (уже не случайно). Нового я открыл в ней мало. В смысле твоих отношений и т.д. Единственное, что меня удивило, - это обилие чересчур громких фраз. Я сомневаюсь, что в этом-то и выражается твоя сила воли, да и твои мысли тоже. Чувствуется, что писал ты это "на зрителя", хотя в ней (тетрадке) и есть мысли, которые могут понравиться, например, последняя. Пишешь ты не всё, не прямо, а старательно обходя вопросы своего самолюбия.

— Извини за неграмотность и небрежность. В крайнем случае ты ведь можешь сделать с этим листом то же, что совершил уже с двумя.

— *И мой ответ:*

— Я же сказал, что я от этой мути отрекаюсь, и зря ты старался рецензировать. Твоя рецензия так же украшает эту тетрадь, как и мои высказывания. А вообще ты рассудил мудро.

— А тем временем подошли выпускные экзамены. Мы с Валеркой сдали их на пятёрки и получили серебряные медали. У меня в аттестат попала одна четвёрка из девятого класса, по анатомии, кажется. К выпускному вечеру мне пошили модный серый пиджак на одной пуговице с широкими плечами и лацканами, и чёрные брюки "дудочкой". После выпускного вечера под утро гуляли всем классом по городу. Помню, собрались около пустого постамента, оставшегося от памятника Сталину (статуя Сталина стояла сначала на площади Победы на том постаменте, где сейчас стоит Ленин, потом её перенесли сюда, потом как-то ночью и отсюда убрали), там, где сейчас памятник "Мать Россия" или "Женщина с капустой", как его именуют местные жители. Возшедшее солнце освещало новостройки Ленинского проспекта (тогда Житомирской улицы): ныне унылые четырёх-пяти-этажки раннехрущёвской архитектуры. Мы прощались, впереди была новая жизнь. Расставались без грусти, надеялись встречаться. В другие города уезжали поступать в вузы я, Валерка и Яна Снесаревская, остальные оставались в Калининграде, большинство собиралось поступать в КТИ...

(продолжение следует)